

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ *RUSSIAN CIVILIZATION*

Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования

*Р.Н. АБРАМОВ**

***АБРАМОВ Роман Николаевич** – кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук Научно-исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ), старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: sociportal@yandex.ru

В центре ностальгических настроений населения России находятся позитивные эмоции в отношении позднего советского периода, где ключевое место занимает эпоха застоя, период правления Л. Брежнева. Ностальгия принимает различные формы, включая коммерциализацию, музеефикацию и эмоциональный аффект. В данной статье анализируются различные аспекты ностальгии по позднему советскому прошлому. В ее основе лежат результаты онлайн-опроса жителей России различных возрастов, а также сравнение этих результатов с доступными данными крупных компаний, специализирующихся на опросах общественного мнения. Результаты исследования показывают, что большинство респондентов сожалеют о распаде Советского Союза, многие полагают, что этого распада можно было избежать, а также считают Брежнева лидером страны того исторического периода, когда людям в ней жилось лучше всего. При этом у многих опрошенных отсутствуют положительные ассоциации, связанные с советским прошлым, и они не готовы вернуться в него даже гипотетически. Также исследование показало, что ностальгические реминисценции охватывают представителей различных поколений, а само восприятие позднего советского прошлого кристаллизовалось в массовом сознании.

Ключевые слова: ностальгия, советское прошлое, застой, общественные настроения, коллективная память.

DOI: 10.31857/S086904990006566-4

Цитирование: Абрамов Р.Н. (2019) Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // Общественные науки и современность. № 5. С. 108–120. DOI: 10.31857/S086904990006566-4

Работа выполнена в ходе проведения исследования “Социологический анализ коллективной памяти о позднем советском периоде: контексты музеефикации и коммодификации” (№ 17-01-0058) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”» в 2017 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5-100”.

Attitude to the Late Soviet Past as an Object of Sociological Research

Roman N. ABRAMOV*

* Roman N. Abramov – Cand. Sc. (Sociology), associate professor in the Analysis of Social Institutions Department, National Research University “Higher School of Economics”, a senior researcher at Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). Address: 101000, 11 Myasnitkaya St., Moscow, Russian Federation. E-mail: sociportal@yandex

Abstract. Positive emotions regarding the late Soviet period are at the center of the nostalgic sentiments of the Russian population. Stagnation Time and the period of the reign of Leonid Brezhnev plays an important role. Nostalgia takes on various forms, including commercialization, museumification and emotional affect. In this article, various aspects of nostalgia for the late Soviet past are analyzed. The article is based on the results of an online survey of residents of Russia of various ages, as well as a comparison of these results with available data from large companies specializing in public opinion polls. The results of the study show that the majority of respondents regret the collapse of the Soviet Union, many believe that this collapse could have been avoided, and also consider Leonid Brezhnev to be the leader of the country in the historical period when the people in the country lived best. Many respondents do not have positive associations associated with the Soviet, and these respondents do not want to go back to the past, even hypothetically. The study also showed that nostalgic reminiscences encompass representatives of different generations, and the very perception of the late Soviet past crystallized in the mass consciousness.

Keywords: nostalgia, soviet past, stagnation, public opinion, collective memory.

DOI: 10.31857/S086904990006566-4

Citation: Abramov R. (2019) Attitude to the Late Soviet Past as an Object of Sociological Research. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 108–120. DOI: 10.31857/S086904990006566-4 (In Russ.)

Периодизация советской истории – отдельная сложная задача для историков, поскольку не может быть осуществлена исключительно в привязке ко времени правления конкретных лидеров, ведь важные политические и социокультурные феномены, отражавшие ту или иную стадию трансформации социалистического режима – от НЭПа до перестройки и далее, связаны не только с конкретными лидерами, но и с ситуациями их смены либо по естественным причинам, либо в результате внутривнутрипартийной борьбы. Таких этапов качественного перехода в относительно короткой истории СССР было несколько, и каждый из них обладает собственной логикой и уникальными историческими чертами, причем даты их начала и завершения также дискуссионны. Так, НЭП начался при В. Ленине, но и И. Сталин вплоть до конца 1920-х гг. продолжал эту политику. А период “оттепели” можно отсчитывать как от смерти Сталина и первых освобождений политических заключенных из ГУЛАГа в 1953–1954 гг. (соответственно, он в данном случае связан с группой бывших соратников Сталина, пришедших к руководству страной), так и от исторического доклада Н. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г.

Завершение “оттепели” тоже имеет несколько возможных вех (и в каждом случае лидирующие позиции занимали разные персоны): это мог быть и хрущевский разгром художественной выставки в Манеже в конце 1962 г., и смещение Хрущева с руководящих постов в октябре 1964 г., и ввод войск Варшавского договора в августе 1968 г. в Чехословакию, удушение Пражской весны и замораживание внутривнутриполитической ситуации в СССР [Klumbyté, Sharafutdinova 2015].

В рамках данного исследования проанализировано отношение его участников к позднему советскому прошлому, под которым понимается период застоя, а если говорить более точно – время правления Л. Брежнева с 1964 по 1982 г. Именно эти временные рамки

с возможной поправкой “вниз” до 1962 г. и “вверх” к началу перестройки и можно назвать позднесоветским периодом.

Главная задача статьи – на основе собранных эмпирических данных показать отношение участников исследования к позднему советскому периоду, который, с одной стороны, по времени отдален от нас на наименьшее расстояние, а с другой – только недавно стал объектом пристального внимания исследователей, прежде всего в связи с феноменом постсоветской ностальгии, широко распространившейся более 10 лет назад и проявляющейся в различных материальных и культурных формах.

Преимущественно ностальгические чувства относятся к периоду, обозначаемому как застой, – времени, когда политические заморозки и усиление цензуры в сфере культуры сопровождалось формированием современного городского потребительского общества на территории Советского Союза и субъективным ощущением “стабильности” как незыблемости устоев и общего порядка повседневной жизни. Как отмечается в исследовании специалистов ИС ФНИСЦ РАН, ностальгические настроения о советском прошлом базируются на «мифе о государстве всеобщего благосостояния и социальной солидарности, воплощенный в воспоминаниях о социальных гарантиях “брежневской эпохи” (бесплатная медицина, образование, жилье и т.д.)» [Бараш 2017, с. 270]. Нередко через ностальгию по советскому выражаются латентные протестные настроения “депрированных социальных групп (пожилых и бедных)” [Латов 2018^b, с. 116].

Феномен постсоветской ностальгии выражается многообразными способами: существуют ностальгические онлайн-сообщества, появилась винтажная мода на советскую одежду и мебель, интерьеры и меню ресторанов оформляются в советском стиле, используются мотивы советской типографики в современном дизайне, создана постмодернистская игра с электронной советской музыкой (направление “*sovietwave*”), идут многочисленные телевизионные ретросериалы и ток-шоу. Часть из этих проявлений хорошо изучена и проанализирована, другие ждут своих исследователей, но все вместе это свидетельствует о том, что позднесоветское продолжает жить в современности, пусть и в трансформированных и мифологизированных культурных формах. Феномен постсоветской (или, как его еще иногда обозначают, посткоммунистической) ностальгии отмечается и в странах бывшего СССР, и в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, входивших в социалистический лагерь [Blum 2006; Velikonja 2008; Kalinina 2014; Nikolayenko 2008].

Эта ностальгия, понимаемая как непосредственные положительные эмоции и переживания, связанные с жизнью в тот период, в первую очередь присуща людям среднего и старшего поколения, однако иронические игры с культурными, политическими и социальными образами того периода свойственны и молодежной аудитории, ищущей новых впечатлений в процессе культурного досуга, проявляющей интерес к соответствующим формам дизайна, музыки и т.п. [Бараш 2017, с. 258]. Подобный медиатизированный и коммодифицированный интерес к недавнему прошлому отмечается и в западных странах, где он получил название “ретромании” [Рейнольдс 2015; Джеймисон 2014].

Методическая характеристика

В течение ноября 2017 г.–января 2018 г. мною был проведен онлайн-опрос об отношении взрослого населения России к позднему советскому прошлому, и прежде всего – к периоду правления Брежнева. Объем выборки составил 1120 человек. Особенности проведения онлайн-опросов не предполагают построения полностью репрезентативной выборки, поскольку зачастую неизвестны характеристики исходной генеральной совокупности. В моем опросе имела место доступная целевая выборка. Релевантность полученных данных косвенно проверялась сопоставлением с аналогичными исследованиями, проведенными российскими опросными компаниями.

Анкета состояла из нескольких блоков, включая “Отношение к советскому и распаду СССР”, “Отношение к периоду правления Л.И. Брежнева”. При ее подготовке были задействованы адаптированные к задачам исследования формулировки вопросов, которые в разные годы использовались ведущими российскими опросными компаниями (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр) и находились в открытом доступе на онлайн-ресурсах.

Анкета размещалась на платформе *enjoy survey* (<https://enjoysurvey.com/>) и доступ к ней открывался по ссылке (https://hse.es.cloud.hidev.ru/ru/survey/271/index/m_a34cedfbcf3b44e5459b6cd15674c149). Опрос проводился среди пользователей социальных сетей (Facebook и Vkontakte), а также посредством размещения ссылки на опрос в электронной версии пензенской еженедельной газеты “Улица Московская” (<http://ym-penza.ru/>). Основным источником рекрутирования респондентов стал Facebook, посредством которого было собрано 80% данных.

Среди опрошенных оказались 52% мужчин и 48% женщин. По возрасту они разделились следующим образом: 15,1% молодых (от 18 до 37 лет), 29,9% составили группу среднего возраста (от 38 до 57 лет) и, наконец, 55% принявших участие в опросе, отметили свой возраст как 50 лет и старше. Причем вопрос о возрасте был открытым, и респонденты самостоятельно заполняли эту позицию. По окончании опроса была сделана группировка данных в три возрастных когорты, которые по своим параметрам несколько отличаются от принятых группировок по возрасту, и это отличие объясняется темой исследования – отношение к позднему советскому прошлому.

Сейчас разворачивается дискуссия, кого считать так называемым “*последним советским поколением*”. Иногда к нему относят людей, родившихся “между серединой 1950-х и началом 1970-х гг., то есть тех, кто в годы перестройки были в возрасте от выпускников школ до тридцатилетних. Именно эта генерация находилась в центре известного исследования А. Юрчака о создании и повседневности советского позднего социализма. Для него важно, что последними “истинно советскими людьми являются те, кто не просто успел родиться в той стране, а успел в ней повзрослеть и сформироваться как раз до начала ее неожиданного конца” [Юрчак 2014, с. 86]. Есть и другие попытки определения “последнего советского поколения”: примерно в 2004–2005 гг. в Интернете появились ностальгические сообщества поколения “76-82”, то есть тех, кто родились и успели побыть “советскими детьми” (https://www.livejournal.com/userinfo.bml?user=76_82; <http://e-n-d.ru/project/>).

В целом, вопрос о том, какую возрастную когорту считать “последним советским поколением”, остается открытым. В моем исследовании разделение на возрастные группы связано с переходом от советского к постсоветскому времени и соответствующие этому переломному периоду этапу социализации.

Первая возрастная группа (18–37 лет) – это “постсоветские дети”, старшие из которых застали распад СССР в детском возрасте (3–4 класс), и значительная часть их обучения в школе пришлось уже на 1990-е гг. Младшая же часть этой группы родилась через много лет после распада Советского Союза и может быть отнесена к так называемым *миллениалам*¹, людям, выросшим в эпоху Интернета и мобильных гаджетов [Радаев 2018^a; Радаев 2018^b]. В контексте данного исследования основная характеристика большей части этой группы – отсутствие сознательного опыта жизни в СССР периода “развитого” социализма и знакомство с этим временем посредством рассказов родителей и старших родственников, телепрограмм, книг и фильмов.

Вторая возрастная группа (38–57 лет) – это и есть “последнее советское поколение”, старшая часть которого не только получила образование в СССР (включая высшее),

¹ Несмотря на активное обсуждение специфичности поколения миллениалов относительно других возрастных групп, на мой взгляд, пока рано судить о том, в какой степени и насколько серьезно миллениалы отличаются от других когорт.

но и начала тогда трудовую карьеру. На момент распада Советского Союза эти люди составляли молодую и активную часть трудоспособного населения, были студентами, молодыми рабочими, военнослужащими. Младшая часть этого поколения в тот момент скорее относилась к тинейджерам, которые все же могут помнить достаточно о жизни в поздний советский период. Те, кто составляют эту возрастную группу, могут иметь обширные личные воспоминания о жизни в позднем СССР, но далеко не все из них завершили взросление в тот период.

Наконец, группа опрошенных в возрасте от 58 лет и старше – это “советские люди”, сформировавшиеся в СССР и на момент распада Советского Союза уже имевшие семьи, сложившиеся профессиональные и личные траектории. Многие из них были студентами, рабочими, специалистами еще в период застоя и из личного опыта хорошо знают об устройстве советской жизни.

Предложенная возрастная классификация респондентов так же, как и другие, выглядит произвольной и во многом условна, так как самые старшие и самые младшие члены каждой когорты различаются между собой по отдельным параметрам сильнее, нежели близкие к ним по возрасту представители соседних подгрупп. Содержательная привязка к переломному моменту распада СССР позволяет определить реперную точку, вокруг которой формируются поколенческие группы “до” и “после” этого исторического перехода. Следует подчеркнуть, однако, что эти группы не являются собственно “поколениями” в демографическом и социологическом смысле, а скорее, возрастными типологическими когортами, привязанными к переломному моменту конца истории одного политического и экономического режима и началу истории другого.

Еще одной важной характеристикой выборки стал уровень образования. Опрос показал, что 78,3% респондентов имеют высшее образование или ученую степень и только 21% не имеют законченного высшего образования.

Опрос не включал данные о профиле полученного образования (гуманитарное, инженерное, естественнонаучное), но в целом можно сказать, что ядро выборки составила интеллигенция – люди с высшим образованием или ученой степенью. Это подтверждается распределением ответов на вопрос о должностной и профессиональной принадлежности респондентов: более половины участников исследования (53,3%) – специалисты различной квалификации, а еще 24,5% – руководители высшего и среднего звена. Только 4,5% – рабочие различных квалификаций. Нужно отметить также относительно высокую долю тех, кто затруднились в ответе на вопрос об их профессионально-должностной принадлежности (8,9%).

Отношение к советскому прошлому

Анкета включала блок “Отношение к советскому и распаду СССР”, где были вопросы, использовавшиеся ранее в опросах Левада-Центра, ФОМа, ВЦИОМа. Первый из них воспроизводил содержание вопроса референдума о сохранении СССР: «В воскресенье 17 марта 1991 года в России и ряде республик, входивших в состав СССР, был проведен референдум по вопросу о сохранении Союза ССР как Федерации равноправных республик. Если бы референдум о сохранении СССР состоялся сегодня, то как бы вы ответили на следующий вопрос: “Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?”». При всей спорности формулировки этот вопрос дает представление о сторонниках и противниках сохранения Советского Союза. Отличие вариантов ответов от ситуации голосования на референдуме заключалась в том, что в опросе присутствовала позиция “затрудняюсь ответить” (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о сохранении СССР (в %)

Ответы	% от числа опрошенных	18-37 лет	38-57 лет	58 лет и старше	Опрос ВЦИОМа (2016 г.)
Да	59,0	54,4	56,0	61,9	64
Нет	33,4	34,0	36,6	31,6	20
Затрудняюсь ответить	7,60	11,6	7,4	6,5	11

Большинство опрошенных (59 %) проголосовали за сохранение СССР. Эти данные близки к результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в марте 2016 г.², в ходе которого 64% высказались за сохранение Советского Союза. Опрос ВЦИОМ был проведен через 25 лет после референдума, состоявшегося 17 марта 1991 г., в котором приняли участие 79,5% граждан СССР с правом голоса и из них 76,49% проголосовали за сохранение обновленного СССР. Спустя полгода Советский Союз распался. В моем исследовании, как и в исследовании ВЦИОМа, опрошенные почти всех возрастных когорт, включая значительную часть молодежи, высказываются за сохранение уже давно исчезнувшей страны. Это свидетельствует о том, что историческая травма, связанная с уходом советской системы в прошлое, касается не только людей старшего и “сознательного” возраста, но и более молодых возрастных когорт – очевидно, эти группы впитали ностальгию по СССР от своих родителей, бабушек и дедушек. Рецепцию ностальгических эмоций в отношении советского прошлого у молодого поколения отмечали В. Касамара и А. Сорокина, связывая ее с ростом авторитарных настроений у населения страны [Касамара, Сорокина 2011].

Следующий вопрос моего исследования касался ретроспективного прогноза относительно возможностей сохранения Советского Союза: “Как вы сейчас считаете, распад Советского Союза был неизбежен или его можно было избежать?” (см. табл. 2). Аналогичный вопрос о неизбежности распада Советского Союза с определенной периодичностью задавал ВЦИОМ в 2006 и в 2016 гг.³. В целом, мнения респондентов в проведенном мною опросе разделились почти поровну, при этом 51,7% считают, что распада СССР можно было избежать, а 45,5% – что он был неизбежен.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о неизбежности распада СССР (в %)

Распад СССР был:	% от числа опрошенных	18–37 лет	38–57 лет	58 лет и старше	Опрос ВЦИОМа (2006 г.)	Опрос ВЦИОМа (2016 г.)
Безусловно, неизбежен	24,1	17,2	26,7	24,6	13	18,0
Скорее неизбежен	21,4	36,4	19,8	18,7	28	14,0
Скорее его можно было избежать	24,9	23,2	23,3	26,2	28	27,5
Безусловно, его можно было избежать	26,8	17,2	28,2	28,5	19	28,5
Затрудняюсь ответить	2,8	6,0	2,0	2,0	12	12,0

Респондентам было предложено выделить те чувства, которые они испытывают, когда слышат слово “советский”, а также оценить степень согласия или несогласия с тем, что они испытывают чувства, предложенные в анкете в качестве вариантов. Напомню,

² СССР: сказка о потерянном референдуме. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3058 (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619>).

³ Пресс-выпуск № 3274, Back in the USSR? (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=497>).

что в 2010 г. в связи с медийным скандалом вокруг открытия в Москве шашлычной “Антисоветская”⁴ ВЦИОМ провел опрос по теме отношения к словам *советский* и *анти-советский*⁵. Согласно этому опросу, слово “советский” заставляет россиян испытывать, в первую очередь, чувство ностальгии (31%), гордость (18% против 1%) и одобрение (17% против 2%). Формулировка вопроса и контекст, в котором проводилось исследование, отличается от методологической ситуации моего исследования, но некоторые сравнения результатов привести можно (см. табл. 3).

Таблица 3

Отношение к слову “советский”

Позиция	Согласен, что испытывает эти чувства (% от числа опрошенных)	Не согласен, что испытывает эти чувства (% от числа опрошенных)
<i>Позитивные чувства</i>		
Восхищение	55,8	44,2
Надежда	46,7	53,3
Одобрение	45,3	54,7
Благодарность	40,0	60,0
Ностальгия	40,0	60,0
Гордость	38,4	61,6
<i>Нейтрально-неопределенные чувства</i>		
Безразличие	72,0	28,0
Разочарование	61,6	38,4
<i>Негативные чувства</i>		
Ненависть, гнев	79,8	20,2
Страх, ужас	79,2	20,8
Стыд, вина	75,1	24,9
Осуждение	69,7	30,3
Скепсис	57,9	42,1

В моем варианте задавался вопрос в следующей формулировке: «Какие чувства вы испытываете, когда слышите слово “советский”? Пожалуйста, оцените степень вашего согласия или несогласия с тем, что испытываете такие чувства, когда слышите слово “советский”». Респондентам предлагалось оценить каждое из названных в анкете чувств на основе порядковой шкалы с четырьмя позициями⁶ – от “совершенно согласен” до “полностью не согласен”.

Результаты опроса показали, что наиболее определенно большинство участников исследования в связи со словом “советский” отвечали в негативном ключе, отмечая ненависть, гнев (79,8%), страх, ужас (79,2%), стыд, вину (75,1%), осуждение (69,7%), скепсис (57,9%), несмотря на то, что на вопрос о сохранении Советского Союза большинство из них ответили положительно. Столь же значительные цифры получены и при фиксации нейтрально-неопределенных чувств в отношении слова “советский” – безразличие

⁴ В 2009 г. в Москве открылось заведение, название которого в шуточной форме обыгрывало тот факт, что оно находилось напротив известной гостиницы “Советская”. Однако это вызвало негативную реакцию председателя Совета ветеранов Москвы В. Долгих (бывшего секретаря ЦК КПСС). Он заявил, что название шашлычной оскорбляет ветеранов, “которые уважительно относятся к советскому периоду в нашей истории”, и просил убрать с фасада шашлычной “неуместный политический каламбур”. Скандал вышел на страницы прессы и вновь актуализировал вопрос о восприятии советского прошлого в современной России.

⁵ Пресс-выпуск №1421, “Советский” и “Антисоветский”: что такое хорошо и что такое плохо?

⁶ Название шкалы опирается на классификацию Г. Татаровой (см. [Татарова 1999, с. 50]).

(72%), разочарование (81,6%). Между тем в том, что касается положительных чувств, данные более скромны: восхищение отметили 55,8% респондентов, надежду – 46,7%, одобрение – 45, 3%, благодарность – 40%, ностальгию – 40%, гордость – 38,4%. То есть, хотя многие из опрошенных сожалеют о распаде СССР, однако уже не испытывают в отношении “советского” особо положительных эмоций.

Один из распространенных вопросов, касающихся прошлого страны, который задается опросными фабриками, – отношение к руководителям России различных периодов. В начале 1999 г. ФОМ провел опрос населения, где, в том числе, задавался вопрос: “Как вы считаете, кто из руководителей России оказал наиболее положительное (отрицательное) влияние на ее судьбу?” (<https://bd.fom.ru/report/map/t8046324>; <https://bd.fom.ru/report/map/t8046325>). В моем исследовании формулировка этого вопроса была немного модифицирована: “На ваш взгляд, кто из руководителей России XX века оказал наиболее положительное (отрицательное) влияние на ее положение, судьбу?” и было предложено выбрать только один вариант ответа. Модификация формулировки вопроса связана с тем, что в ходе предварительного пилотажа слово *судьба* показалось респондентам излишне эмоционально нагруженным, а поэтому было добавлено слово *положение* как более нейтральное (см. табл. 4).

Таблица 4

Руководители России XX века, оказавшие на ее положение, судьбу наиболее положительное и наиболее отрицательное влияние (в %)

Руководители	Опрос 2017 г.		Опрос населения ФОМ 1999 г.	
	Положительно	Отрицательно	Положительно	Отрицательно
Б.Н.Ельцин	8,1	17,8	2	30
М.С.Горбачев	15,4	23,3	7	34
К.У.Черненко	0,3	0,2	0	1
Ю.В.Андропов	3,8	0,2	6	0
Л.И.Брежнев	9,2	0,8	19	1
Н.С.Хрущев	5,8	3,7	7	2
И.В.Сталин	24,7	20,2	15	10
В.И.Ленин	7,2	17,9	10	9
А.Ф.Керенский	0,8	1,2	нет данных	нет данных
Николай II	3,7	9,6	3	1
Затрудняюсь ответить	21,0	5,1	32	13

Анализ результатов моего опроса показывает, что респондентам было проще определиться с тем, кто из руководителей, по их мнению, оказал отрицательное влияние на положение и судьбу России в XX в. На вопрос о положительном влиянии с выбором затруднился 21% участников исследования, а об отрицательном влиянии – только 5,1%. В опросе ФОМ также затруднившихся с ответом о положительном влиянии (32%) было значительно больше, чем затруднившихся с ответом об отрицательном влиянии (13%).

Наиболее противоречивые оценки в отношении влияния на положение и судьбу России в XX в. получил И. Сталин – в моем опросе 24,7% считают его роль положительной, а 20,2% – отрицательной. В опросе ФОМ 1999 г. – положительно его оценили 15% и отрицательно – 10%. Чуть менее трети участников моего опроса (23,3%) считают, что М. Горбачев оказал отрицательное влияние на положение и судьбу страны и чуть меньше (15,4%) полагают его роль положительной. Б. Ельцин и В. Ленин получили примерно равные положительные оценки: 8,1% (Ельцин) и 7,2% (Ленин).

Любопытно, что несмотря на сложившийся образ периода правления Брежнева как “стагнации” и “застоя”, оценка его правления практически не набрала отрицательных позиций – только 0,8% респондентов оценивают его роль в положении и судьбе нашей страны негативно и 9,2% считают ее положительной. В опросе 1999 г., где объективно была больше доля людей, заставших время правления Брежнева в подростковом и взрослом возрасте, 19% оценили его влияние положительно, и лишь 1% – негативно.

В целом, можно сказать, что за исключением лидеров страны с короткими сроками нахождения у власти (К. Черненко, Ю. Андропов), чье влияние на судьбу страны трудно определить, Брежнев имеет самый низкий отрицательный рейтинг среди других лидеров страны XX в. и скорее может рассматриваться как относительно консенсусная фигура, в отношении которой у респондентов нет серьезных разногласий. Отчасти благосклонное отношение населения к Брежневу подтвердилось в ходе ответов на следующий вопрос анкеты: “Из перечисленных руководителей России XX в. укажите того, при котором из них, по вашему мнению, обычным людям жилось лучше всего? Выберите пожалуйста один вариант ответа”. Подобный вопрос также задавался ФОМ в 1999 г., хотя и немного в другой формулировке: “Из перечисленных руководителей России укажите того, при котором, по вашему мнению, простым людям жилось лучше всего?” (<https://bd.fom.ru/report/map/t8046322/printable/>).

Пилотаж моей анкеты показал, что в настоящее время обозначение *простые люди* вызывает иронические комментарии, и представители образованного среднего класса полагают, что речь в этом вопросе идет не о них, а о рабочих, крестьянах и других малообеспеченных слоях населения. Задача же моего исследования заключалась в том, чтобы оценить восприятие позднего советского периода, а поэтому формулировка была изменена на *обычные люди*, чтобы опрошенные могли себя ассоциировать с этой группой населения (см. табл. 5).

Таблица 5

Из перечисленных руководителей России XX века укажите того, при котором из них, по вашему мнению, обычным людям жилось лучше всего? (в %)

	Опрос 2017 г.	Опрос населения. ФОМ, 1999 г.
Л. Брежнев	55,9	59
Б. Ельцин	7,1	0
Николай II	6,3	5
Н. Хрущев	5,9	5
М. Горбачев	3,9	2
И. Сталин	3,1	8
Ю. Андропов	1,5	8
К. Черненко	0,3	1
В. Ленин	0,3	3
А. Керенский	0,0	нет данных
Затрудняюсь ответить	15,7	нет данных

Результаты ответа на этот вопрос показали, что большинство респондентов в моем исследовании (55,9%) и в исследовании ФОМ 1999 г. (59%) считают, что обычным/простым людям лучше всего жилось при Брежневе. Интересно, что даже те, кто полагали роль Сталина или Горбачева положительной в истории страны, не решились называть период их правления наилучшим для жизни обычного/простого человека. Можно констатировать, что “брежневская эпоха” в массовом сознании кристаллизовалась как время, наилучшим

образом соответствующее определению “золотой эпохи”, когда населению жилось лучше всего. Дополнительные подтверждения этому тезису можно найти в анализе следующего блока анкеты – “Отношение к периоду правления Л. Брежнева”.

Отношение к периоду правления Брежнева

В этой части опроса был задан вопрос: “Леонид Брежнев был главой моей страны в течение 18 лет – с 1964 г. по 1982 г. Как вы считаете, годы правления Брежнева были в целом скорее благополучным временем для моей страны или скорее неблагоприятным?”. Большинство участников (69,7%) назвали эти годы благополучными, 24% – неблагоприятными и 6,3% затруднились с ответом. Аналогичный опрос проводился ФОМ в 2006 г., и там результаты получились близкими: 61% и 17%, соответственно (22% затруднились ответить).

Следующий вопрос касался оценки роли Брежнева в истории страны: “Если говорить в целом, какую роль, на ваш взгляд, Брежнев сыграл в истории моей страны – положительную или отрицательную?”. Здесь оказалось, что 12% затрудняются с ответом, тогда как 57,8% оценивают его вклад положительно, а 30,2% – негативно. В опросе 2006 г. ФОМ респонденты были несколько менее определенны в своих оценках – более трети участников опроса затруднились с ответом, половина оценила роль Брежнева положительно и только 16% считали, что вклад этого генерального секретаря в отечественную историю носит отрицательный характер.

Вне зависимости от позиции профессиональных историков, среди различных групп населения не утихают дискуссии относительно того, стоит ли считать период “застоя” более или менее благополучным временем для страны. Вокруг этого ведутся настоящие “войны памяти” в блогосфере и социальных медиа [Абрамов 2011]. Поэтому был задан вопрос “Как вы считаете, годы правления Леонида Брежнева были в целом скорее благополучным временем для нашей страны или скорее неблагоприятным?” и предложено выбрать один вариант ответа. Опрос показал, что большинство участников исследования (69,7%) считают годы правления Брежнева благополучным временем для страны и только четверть (24,1%) – неблагоприятным. В 2007 г. схожий вопрос ФОМ дал близкое распределение ответов: 61% и 17%, соответственно, при 22% затруднившихся ответить (см. [Кертман 2007]).

Для сравнения восприятия брежневского периода в истории страны с нынешним положением был задан вопрос “Какой период вы считаете более благополучным для нашей страны – годы правления Брежнева или наше время?” (см. табл. 6).

Таблица 6

Сравнительная оценка благополучия периода правления Брежнева и нашего времени (в %)

Варианты ответа	Опрос 2017 г.	
Годы правления Брежнева я считаю более благополучными, чем мое время	Согласен	45,9
	Не согласен	54,9
Наше время я считаю более благополучным, чем годы правления Брежнева	Согласен	61,7
	Не согласен	38,3

Оказалось, что в сравнительной перспективе с нынешним периодом время правления Брежнева выглядит не столь привлекательно, как могло бы показаться из ряда ответов на предыдущие вопросы. Все же большинство опрошенных (54,9%), во-первых,

не согласны, что годы брежневского правления были более благополучными, нежели нынешнее время, а 61,7% полагают нынешнее время более благополучным. Вполне возможно, в ответах на этот вопрос сказывается противоречивый характер коллективной памяти в отношении брежневского периода, который одновременно связывается со стабильностью и расцветом советской версии социального государства, но многими вспоминается и как время товарного дефицита, развивавшейся коррупции и экономической стагнации.

Для проверки предположения, что, несмотря на общее положительное отношение к Брежневу и времени его правления, все же далеко не все участники исследования готовы возвратиться к советским порядкам, был задан вопрос: “Если бы у вас была такая возможность, хотели бы вы вернуться в Советский Союз периода правления Брежнева и там остаться жить?”. Идея этого вопроса возникла, поскольку современные медиа (телевидение и массовая литература) активно эксплуатируют тему “попаданчества”, когда главный герой возвращается в прошлое, чтобы там что-то исправить и нередко изменить ход истории. “Попаданческий” жанр в отечественной фантастике расцвел буквально несколько лет назад. Обычно герои этих романов попадают либо в период Великой Отечественной войны и влияют на решения Сталина, чтобы ускорить победу над гитлеровской Германией и минимизировать наши жертвы, либо в позднее советское время, как обычные люди, но пытающиеся посредством тайных встреч со спецслужбами и влияния на руководство страны предотвратить распад СССР. Во втором случае для авторов важен читательский ностальгический аффект от погружения в повседневность застоя, поэтому эти произведения наполнены “мелочами советской жизни” 1960–1980-х гг. Жанр “попаданчества” можно отнести к формам народных ретропрогнозов: они дают современному человеку хороший материал, позволяющий определиться в отношении к прошлому как истоку настоящего [Латов 2018; Латов 2019]. Ответы на предложенный мной вопрос показали, что большинство опрошенных (55,8%) не хотят вернуться в СССР и остаться там жить (согласны на это 35,5%, затруднились ответить 8,5%). Иными словами, ностальгия по позднесоветскому времени в большей мере связана с обобщенным утопическим представлением об ушедшем времени стабильности и социального благополучия, но “окунуться” в ту эпоху желают далеко не все.

* * *

Советское прошлое удаляется от нас все дальше. Оно уже не столь близко, каким было 10–15 лет назад. Выросло поколение тех, для кого советское – это не личная память, а опосредованная рассказами старших и различными артефактами из того времени. Казалось бы, “охлаждение” социальной памяти о позднесоветском времени должно изменить отношение к нему, сделать более объективированным, опирающимся на факты. Между тем результаты опроса, представленные в данной статье в сравнительной перспективе с опросами общественного мнения, проводившимися несколько лет назад, показывают, что произошла кристаллизация коллективной памяти о периоде застоя и правления Брежнева. Продолжается инерция ностальгии по стабильности позднесоветского времени, которая захватывает и часть молодого поколения, но есть и осознание, что это было далеко не самое удобное для жизни время, связанное со множеством ограничений в мобильности и потреблении. Аналогичные выводы делают исследователи из Института социологии ФНИСЦ РАН на основе собственных данных: “...когда речь идет о реанимации среди части россиян советской ностальгии, то имеется в виду ностальгия не по коммунизму и тем более не по сталинизму, а по периоду относительной экономической стабильности, социального порядка и солидарности” [Бараш 2017, с.266].

Мой опрос также показал, что большинство респондентов не считают тот период благополучнее нынешнего и не желают возвращения в 1970-е гг. В целом, позд-

нее советское время воспринимается противоречиво: с одной стороны, есть запрос на былое ощущение стабильности и социальной защищенности, но с другой – имеется и понимание того, что тот период не был столь удобен для жизни человека, особенно с современных позиций.

Можно констатировать постепенное затухание ностальгии по позднему советскому времени как в силу растущей исторической дистанции, так и из-за возникновения новых форм ностальгии, продуцируемых теми, чье взросление пришлось на 1990-е гг., которые, хотя и имеют обозначение “лихих”, но для многих подростков того времени оказались периодом первых потребительских открытий, раскрепощенности, взросления, причем в ситуации, когда память о реалиях предшествующего времени была очень яркой. Именно это поколение предъявляет новый ностальгический запрос, но уже на другое время. Если же говорить о ностальгии по позднему советскому времени, то новый ее всплеск возможен на фоне сокращения социальных программ и усиления запроса на стабильность, который присутствует в современном российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. (2011) “Советский чердак” российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2011. № 6. С. 88–102.
- Бараш Р.Э. (2017) Отношение россиян к советскому прошлому: постпамять или запрос на будущее? // *Российское общество и вызовы времени*. Кн. 5, под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир. С. 253–271.
- Джеймисон Ф. (2014) *Марксизм и интерпретация культуры*. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый.
- Касамара В.А., Сорокина А.А. (2011) Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 18–31.
- Кертман Г. (2007) Эпоха Брежнева – в дымке настоящего // *Социальная реальность*. № 2. С. 5–22.
- Латов Ю.В. (2018) Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // *ПОЛИС*. № 5. С. 116–133.
- Латов Ю.В. (2019) Ретропрогнозирование как элемент национальной исторической ментальности // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 99–114.
- Радаев В.В. (2018^a) Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования*. № 3. С. 15–33.
- Радаев В.В. (2018^b) Прощай, советский простой человек! // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 51–65.
- Рейнольдс С. (2015) *Петромания: поп-культура в плену собственного прошлого*. М.: Белое яблоко.
- Татарова Г.Г. (1999) *Методология анализа данных в социологии*. М.: NOTA BENE.
- Юрчак А. (2014) Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ.
- Blum M. (2006) Club Cola and Co.: Ostalgie, Material Culture and Identity // *Transformation of the New Germany* / Ed. R. A. Starkman. New York: Palgrave.
- Kalinina E. (2014) Mediated post-soviet nostalgia. Stockholm: Sodertorns hogskola.
- Klumbytè N., Sharafutdinova G. (2015) Introduction: What Was Late Socialism // N. Klumbytè, G. Sharafutdinova (Eds.). *Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985*. Plymouth: Lexington Books. Pp. 1–15.
- Nikolayenko O. (2008) Contextual effects on historical memory: Soviet nostalgia among post-Soviet adolescents // *Communist and Post-Communist Studies*. No. 41. Pp. 243–259.
- Velikonja M. (2008) *Titostalgia: A Study of Nostalgia for Josip Bros. Ljubljana*: Mirovni Institut.

REFERENCES

- Abramov R.N. (2011) “Sovetsky cherdak” rossiyskoy blogosfery: analiz “ostal’gicheskikh virtual’nykh soobshchestv” [The “Soviet Loft” of the Russian Blogosphere: An Analysis of Nostalgic Virtual Communities]. *Interakciya. Interv’yu. Interpretaciya*, no. 6, pp. 88–102.

Barash R.E. (2017) Otnoshenie rossiyan k sovetskomu proshlomu: postpamyat' ili zapros na budushchee? [Attitude of Russians to the Soviet past: post-memory or a request for the future?]. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya*. Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova [Russian society and challenges of time. Book five. Eds. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova]. Moscow: Ves' Mir, pp.253–271.

Blum M. (2006) *Club Cola and Co.: Ostalgie, Material Culture and Identity. Transformation of the New Germany*. Ed. R. A. Starkman. New York: Palgrave.

Jameson F. (2014) *Marksizm i interpretaciya kul'tury* [Marxism and interpretation of culture]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetny uchyony.

Kalinina E. (2014) *Mediated post-soviet nostalgia*. Stockholm: Sodertorns hogskola.

Kasamara V.A., Sorokina A.A. (2011) Postsovetskaya nostalg'iya v povsednevnom diskurse rossiyan [Postsoviet nostalgia in everyday discourse of Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 18–31.

Kertman G. (2007) Epoha Brezhneva – v dymke nastoyashchego [Brezhnev epoch in the haze of the present time]. *Social'naya real'nost'*, no. 2, pp. 5–22.

Klumbytë N., Sharafutdinova G. (2015) *Introduction: What Was Late Socialism? Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964-1985*. Plymouth: Lexington Books, pp. 1–15.

Latov Y.V. (2019) Retroprognozirovanie kak element nacional'noy istoricheskoy mental'nosti [Retrocasting as an element of the national historical mentality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 99–114.

Latov Y.V. (2018) Paradoksy vospriyatiya sovremennymi rossiyanami Rossii vremen L.I. Brezhneva, B.N. El'cina i V.V. Putina [Paradoxes of perception by contemporary Russians of Russia in the times of L.I. Brezhnev, B.N. Yeltsin and V.V. Putin's]. *POLIS*, no. 5, pp. 116–133.

Nikolayenko O. (2008) Contextual effects on historical memory: Soviet nostalgia among post-Soviet adolescents. *Communist and Post-Communist Studies*, no. 41, pp. 243–259.

Radaev V.V. (2018^a) Millenialy na fone predshestvuyushchih pokolenij: ehmpiricheskij analiz [Millennials against previous generations: an empirical analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no.3, pp. 15–33.

Radaev V.V. (2018^b) Proshchay, sovetskiy prostoy chelovek! [Farewell, Soviet simple man!]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.3, pp. 51–65.

Rejnoľds S. (2015) *Retromaniya: Pop-kul'tura v plenu sobstvennogo proshlogo* [Retromania: Pop culture in captivity of its own past]. Moscow.: Beloe yabloko.

Tatarova G.G. (1999) *Metodologiya analiza dannyh v sociologii* [Methodology of data analysis in sociology]. Moscow: NOTA BENE.

Velikonja M. (2008) *Titostalgia: A Study of Nostalgia for Josip Bros*. Ljubljana: Mirovni Institut.

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: NLO.